

УДК 17.023

ФИЛОСОФИЯ И БИОЭТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА ЮДИНА

П.Д. Тищенко

Доктор философских наук, профессор, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики Институт философии РАН. Москва, Россия ptishchenko@bioethics.ru

Борис Григорьевич Юдин – основоположник биоэтики в России. Ее дальнейшее развитие связано с исследованием его творчества. Сам Борис Григорьевич не причислял себя к какому-то определенному философскому направлению. Основной идеей его творчества было разрешение противоречия между человеком, как природным существом, и существом, технизирующем свою природу. Отсюда необходимость морального осмысления соединения природного и технологического в человеке. Только мораль может помочь сохранить необходимый баланс такого соединения. Автор статьи считает, что назначение биоэтики Б.Г.Юдин видел в сохранении идентичности человека как биотехнологического артефакта.

Ключевые слова: философия, творчество, идентичность, исследование.

PHILOSOPHY AND BIOETHICS IN BORIS YUDIN'S CREATIVITY

P.D. Tishchenko

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, RAS, Moscow, ptishchenko@bioethics.ru

Boris Grigorievich Yudin is a founder of Russian bioethics. The rise of bioethics in Russia is linked with his works. B.G. Yudin did not belong exclusively to any one philosophical school. He addressed such issues as solving the controversy between a person as a physical and a technical phenomenon. Therefore, it is necessary to provide moral insights into the relationship between physical and technical aspects in a human being. It is moral that can help gain balance between physical and technical in a human being. B.G. Yudin defined bioethics as a discipline whose purpose is to preserve human identity as a biotechnological artifact.

Key words: philosophy, activities, identity, investigation

Б.Г. Юдин (далее - БГЮ) был одним из основоположников и общепризнанным лидером биоэтического движения в нашей стране. Это движение возникло в начале 90х годов прошлого века почти сразу в нескольких центрах – Волгограде, Казани, Москве и Санкт Петербурге. Философы, врачи, юристы начали систематическое исследование биоэтических проблем, за несколько лет смогли превратить биоэтическое образование из дела энтузиастов в обязательную программу обучения в медицинских вузах. Эксперты-биоэтики стали приглашаться в комитеты Госдумы и других государственных органов для обсуждения актуальных проблем развития медицины и биотехнологий. Если в начале 90х годов мало кто у нас слышал само слово биоэтика и, поначалу, обычно ассоциировал её с хорошим отношением к животным, то теперь этические комитеты существуют практически во всех медицинских исследовательских организациях. Как-то в начале 90х годов нас с БГЮ пригласили на центральное телевидения обсудить судьбу человеческой кармы при пересадке органов. Ситуация достаточно быстро изменилась. Ключевое для

биоэтики правило добровольного информированного согласия вошло в рутинную машинерию отношений врач – пациент. Эти и другие реальные достижения в развитии биоэтики стали возможны благодаря синхронии и синергии усилий большого числа философов и врачей по всей стране. Но, полагаю, что вряд ли кто станет оспаривать суждение, что среди равных всегда выделялся БГЮ как авторитетный лидер. В его творческом наследии свыше 400 публикаций, среди которых более половины посвящены биоэтическим проблемам. Поэтому, исследование его творческого наследия является важным фактором развития отечественной биоэтики.

Сложность исследования философии БГЮ в том, что сам он избегал каких либо обобщённых характеристик своего творческого подхода. Простой, доступный даже неспециалистам язык его публикаций может породить иллюзию, что понять сказанное им можно, не замечая фундаментальных философских предпосылок, лежащих в основании подобного рода простоты. Его тексты – это айсберги, у которых есть как видимая всем надводная часть, так и подводная, неприметная без дополнительной интерпретации. Попробую сделать небольшой шаг, конечно предварительный, в изучении глубин его философской позиции...

Проблемоцентризм и стиль письма БГЮ. Я

думаю, что целостность его текстов обеспечивает не некий предполагаемый общий смысл, из которого можно дедуцировать конкретные выводы, а реальные проблемы, порождаемые научно-техническим процессом, которые в этих текстах обсуждаются. Причём обсуждение проблем в его текстах практически никогда не приводит к их разрешению, а скорее – к углублению и фундаментализации проблематичности. Не важно, пишет ли БГ о биоэтике, биотехнологическом улучшении человека или технотехнике, практически нигде читатель не найдёт окончательных решений, выводов, сформулированной «морали».

Он категорически отказывается от авторитарной позиции и столь же авторитарного, строящегося по классическим моделям отношений учитель – ученик, языка философии 60х годов прошлого века. В нём не было и намёка на излюбленную известными философами шестидесятниками позу «вождя» или «гуру», хотя по жизни, как зачинатель и безусловный лидер биоэтического движения в нашей стране, он на это имел полное право. В своём читателе или слушателе, БГ видел не ученика, а потенциального коллегу, партнёра, который имеет полное право решать самостоятельно – что хорошо, а что плохо, что надо сделать или не сделать в конкретной ситуации. Задача автора – показать сложность проблемы, визуализировать перед читателем многообразие её философских решений, обратить внимание на те риски, с которыми связаны обсуждаемые в литературе конкретные решения, действия и бездействия, понимания и непонимания. Смысл философского послания не рецепт того, как нужно жить, действовать или понимать, а информация к размышлению, чрезвычайно полезная тому, кто захочет и сможет действовать и мыслить самостоятельно. Такой, как мне представляется, была установка БГ как автора, определившая очень характерную манеру письма. Охарактеризовав особую стилистику философской речи БГ, попытаюсь наметить в ней некоторую регулятивную идею, которая живёт в этой речи как

проблема, загадка, привлекающая его внимание, принуждающая его мысль мыслить и направляющая в путь в поисках разгадки.

Объяснять мир и, или изменять его (особенность интерпретации БГЮ). Мне кажется, что в качестве такой регулятивной идеи можно рассматривать его понимание мышления как деятельности, а знания не как отображения, а как события преобразования в бытии. В 60-е годы она получила многочисленные интерпретации в работах философов и психологов. Естественно, что все эти интерпретации так или иначе тогда выводили свою родословную из Маркса, а ближайшим образом из «Тезисов о Фейербахе». БГЮ отмечал, что к этой марксистской идее он приобщился под влиянием своего брата Э.Г. Юдина и Г.П. Щедровицкого, в кружке которого прошел первые классы философского образования. Придя в Институт философии на следующий день после смерти БГЮ., я обнаружил на его рабочем столе полураскрытую книгу Э.Г. Юдина с многочисленными пометками на страницах, посвященных идее мышления как деятельности. Можно сказать, что с первых шагов в философии до последних дней внимания БГ было к ней обращено, причём обращено не как готовому понятию, некоей универсальной отмычке, а как к проблеме, над осмыслением которой он продолжал думать.

Напомню, что Маркс в тезисах использует такие оппозиции: предмет в форме объекта созерцания - предмет в форме чувственной (революционной) деятельности, практики, т.е. субъективно; истинность как вопрос теории - истинность как практический вопрос; философы до сих пор объясняли мир - дело в том, что бы его изменить. В решении, которое предлагает Маркс и которое радикально доосмыляет Г.П. Щедровицкий, истинной рассматривается революционная, преобразующая природу из естественного факта в искусственный артефакт, изменяющая мир деятельности. Как считал БГЮ: «Различение «естественного» и «искусственного», как оно проводится у Г.П., - на мой взгляд, одна из его наиболее глубоких и далеко идущих идей. Оно проходит красной нитью через все его творчество. Оно становится в высшей степени актуально сегодня и - я уверен - в последующие годы будет все более значимым и все более проблемным» (Юдин 2014, 21).

Деятельностная позиция для БГ, как и других философов, всегда ассоциировалась с радикальным изменением существующего положения дел, революционным преобразованием действительности.

Обсуждая идею деятельностного подхода и соглашаясь с деятельностным пониманием знания и познания, БГЮ вместе с тем вносит весьма существенное дополнение. Он обращает внимание на амбивалентность, существующую в сознании современного человека, который продолжает желать покорить природу, всё более превращая её в искусственную конструкцию, но при этом всё более настойчиво стремится защитить ещё непокорённый природный мир от самого себя как покорителя в национальных парках, заказниках, заповедниках и т.д., всё более отчётливо сознавая, что созданный им же самим искусственный мир несёт свои угрозы не менее опасные для его физического, психического и морального выживания, чем дикая природа, пугавшая революционных философов в конце 19го, первой половине 20го века. В работах последних лет БГЮ неоднократно обсуждал эту тему, стараясь позиционировать своё понимание относительно

представлений Маркса и Щедровицкого, который практику трактовал как технологическую, проектную деятельность. Как всегда у БГЮ, обсуждение предстаёт как осторожное опробывание различных вариантов решения, отслеживание и оценка возможных выводов из сделанных предпосылочных суждений. Окончательного ответа он не даёт, но использует для пояснения возможного решения физическую метафору принципа соответствия, согласно которому новый тип науки, который он называет *технонаукой* и который выражает с его точки зрения общую марксистскую установку на действие и преобразование, может включать классическое понимание науки и научных знаний как отображений предстоящей перед человеком объективной реальности в качестве частного случая. Не антитеза деятельности – созерцания, а интерпретация созерцания в качестве частного случая деятельностного отношения к реальности.

Добавлю от себя, что в пользу такого решения свидетельствует опыт попыток современного человека справиться с экологическими проблемами. Современные заповедники, заказники, национальные парки, экологически чистые продукты и т.д. и т.п. – всё это результаты деятельности человека, *артефакты* современного производства, искусственно созданные «естественные» предметы. Природа как нечто *естественное* оказывается в сегодняшнем мире особого рода *искусственным* образованием.

Более того, современное *естество*-знание работает в значительной степени не с природными объектами, а с объектами искусственно, фабрично произведёнными, стандартизированными и закупленными на стремительно развивающемся рынке технологий и объектов научных экспериментов (приборов, компьютеров и программ, источников излучения, химреактивов, лабораторных животных, клеточных культурах и т.д.). Возникает новый тип науки, предполагающий новый тип учёного. К примеру, в биологии на смену естествоиспытателям и натуралистам 19 века пришли биотехнологи. Причём знание, полученное ими при исследовании объектов-артефактов, считается наиболее объективным и достоверным отображением природной реальности. Еще в 60х годах виварии медицинских и биологических НИИ были заполнены животными, отловленными на улице или в «дикий» природе. Сегодня они (животные) производятся высокотехнологичными производствами, незрелость которых в нашей стране вносит свой вклад в её технологическое отставание.

Эти примеры призваны разяснить преобразование, которое в понимании БГЮ претерпевают антитезы искусственного и естественного, сформулированные ГП на основе марксистского понимания деятельностной природы человеческого сознания. Не отрицание противоположности как ложного сознания, а включение в качестве частного случая.

Такова, с моей точки зрения, его *регулятивная идея* деятельностной природы знания, сознания и познания. Регулятивная в том смысле, что он никогда в обсуждении проблем не начинал с неё как общей идеи для дедукции и обоснования своих выводов. Но, пытаясь понять им сказанное, эту регулятивную идею полезно учесть *как если бы* она была предпосылкой его суждений.

Проблема человека у БГЮ. Одной из центральных проблем, волновавших БГЮ, являлась проблема человека. Он был директором Института

человека РАН, Главным редактором журнала «Человек», Заведующим отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН. Специфичность постановки и осмысления БГ этой «вечной проблемы» наглядно демонстрирующий следующий фрагмент его текста: «Мне хотелось бы обсудить такой фундаментальный вопрос: что есть человек? Конечно, я вовсе не намерен претендовать на то, чтобы дать какое-то новое определение человека – было бы верхом самонадеянности покусаться на это. Моя задача намного скромнее – я хочу зафиксировать тот факт, что развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно-отвлеченный) вопрос вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни. С ним приходится сталкиваться не только исследователям, занимающимся разработкой новых биотехнологий, но и тем, кто эти технологии использует, иначе говоря, рядовым гражданам, которым так или иначе приходится с ними соприкасаться» (Юдин 2011, 103). Вопрос «Что такое человек?» для него не «абстрактный», т.е. не вопрос философского умопознания, а чисто практический, адресованный не только философам, врачам и другим «экспертам», но и простым людям. Обращу так же внимание на использованное им самим определение своей задачи как «скромной». Здесь явная перекличка с Ю. Хабермасом, который обсуждая близкие БГ проблемы евгеники, характеризует свою философию как «постметафизическую» и «непритязательную». Смыслы «скромности» у БГ и «непритязательности» у Хабермаса близки друг-другу. Философ отказывается от авторитарной претензии дать всеобщее определение человека или различения добра и зла. Его задача, если использовать язык Хабермаса, стать «фасилитатором» коммуникативного взаимодействия людей так или иначе затронутых общей проблемой.

В своих последних публикациях БГ выделяет четыре зоны неопределённости (иногда он использует метафору зоны фазового перехода), в которых границы человеческого существования постоянно поставлены под вопрос успехами в развитии новых технологий, постоянно переопределяются. Таких зон считает БГ значительно больше, но четыре им рассматриваемые наиболее принципиальны. Он пишет: «Итак, каковы же эти зоны? Первая – это зона, которая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа. Вторая зона предваряет рождение индивидуального человеческого существа. Третья разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное. И четвертая – это зона, тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину» (Юдин 2011, 106). В этих зонах идёт напряженная работа, выражающая суть биоэтики – путём экспертных, политических и общественных дискуссий и согласований формируется граница между миром людей и миром вещей. Живое существо, которое пересекает эту границу радикально меняет свой моральный и правовой статус.

Биоэтика в концепции БГЮ. В биоэтике, которую БГЮ рассматривал как важнейший узел современной технoнауки, вопрос о границах человеческого существования адресуется не только отдельному человеку (философу или богослову) или сообществу единомышленников, но и сообществу разномыслящих, верящих разным богам и придерживающихся разных философских точек зрения гражданам. Поэтому ответ строится опять же как коллективное (коммуникативное) действие, как

создание (конструирование) нормы релевантной в конкретных ситуациях. Например, ответ на вопрос о моральной допустимости аборта в биоэтике решается не как личное усмотрение в себе всеобщего морального закона или выражение своей веры (этот аспект остается в дискуссиях как личная предпосылка), а в результате междисциплинарных и даже трансдисциплинарных (поскольку активной стороной выступают обычные люди – *lay persons*) обсуждений и согласований, которые как бы прочерчивают линию между еще не человеческим существованием (в этой области нет человека и не применим принцип «Не убий!») и уже человеческим существованием когда этот принцип применим в полной мере.

Биомедицинские и современные информационные технологии постоянно проблематизируют эти границы, ставят их под вопрос, а следовательно границы человека – постоянно меняются. Роль философа в биоэтике не объясняет мир человека, а соучаствовать вместе с другими экспертами и обычными людьми в его изменении.

Смысловым «центром» биоэтики как сложного феномена современной цивилизации является *проблема* про-активной (опережающей) диагностики, оценки и менеджмента *рисков*, связанных с разработкой и практической реализацией биотехнологических инноваций. Причем не только тех рисков, которые касаются здоровья человека или состояния окружающей среды, но и тех, которые по своей сути являются социогуманитарными: моральных, антропологических, правовых, политических, экономических и т.д. Можно отметить, что начиная с Международного проекта «Геном человека», стартовавшего в 1990 году, практически все крупные проекты в сфере биотехнологий сегодня включают в себя исследование этических, правовых и социальных проблем, связанных с реализацией проектов и возможным влиянием их результатов как на отдельного человека, так и на общество в целом. Выявление, обсуждение и решение этих проблем оказывается не чем-то внешним по отношению к собственно реализации проектов, но выступает как их составная часть, поддерживаемая и финансируемая наряду с остальными, собственно биологическими исследованиями. *Социогуманитарное обеспечение биотехнологических проектов становится имманентной частью самих этих проектов; тем самым более широким, можно сказать – объемным, становится само понятие биотехнологий.*

Литература:

1. Юдин – 2011 Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Том V. С. 102 – 118.
 2. Юдин – 2014 Юдин Б.Г. Точка зрения Искусственного // Навигатор. 2014. 354 с. - С. 15 – 29.
- Reference:
1. YUdin – 2011 YUdin B.G. Granicy chelovecheskogo sushchestva kak prostranstva tekhnologicheskikh vozdeystviy // Voprosy social'noy teorii. 2011. Tom V. S. 102 – 118.
 2. YUdin – 2014 YUdin B.G. Tochka zreniya Iskusstvennogo // Navigator. 2014. 354 s. - S. 15 – 29.